

Маньяка никто не видел

Третья книга загадочного испаноязычного писателя

Аркадий Клыков

Многие, возможно, помнят книгу Родриго Кортеса «Садовник», первый раз вышедшую в России в 2004 году и вызвавшую большое оживление среди любителей изысканного остросюжетного чтения. Все сразу заговорили о сходстве «Садовника» с «Парфюмером» Патрика Зюскинда и «Коллекционером» Джона Фаулза, причем некоторые высказывались в том смысле, что новинка стоит с этими книгами вровень и едва ли их не превосходит.

Говоря объективно, неизвестный испанец показал себя по крайней мере крепким прозаиком — в «Садовнике» помимо внешней занимательности присутствовали извилистый сюжет и отчетливая авторская идея. Немой цветочный художник Себастьян Хосе, служащий в усадьбе крупных испанских землевладельцев, методично отправляет членов господской семьи на тот свет. При этом он их всех безумно любит и руководствуется исключительно библейскими поучениями и апокалиптическими пророчествами, желая превратить вверенный ему сад в эдемскую обитель, усыпальницу чистых душ. На фоне гражданской войны в Испании происходящее в усадьбе получает политическое толкование, и никто не догадывается, что виной всему мистический замысел, созревший в голове у блаженного.

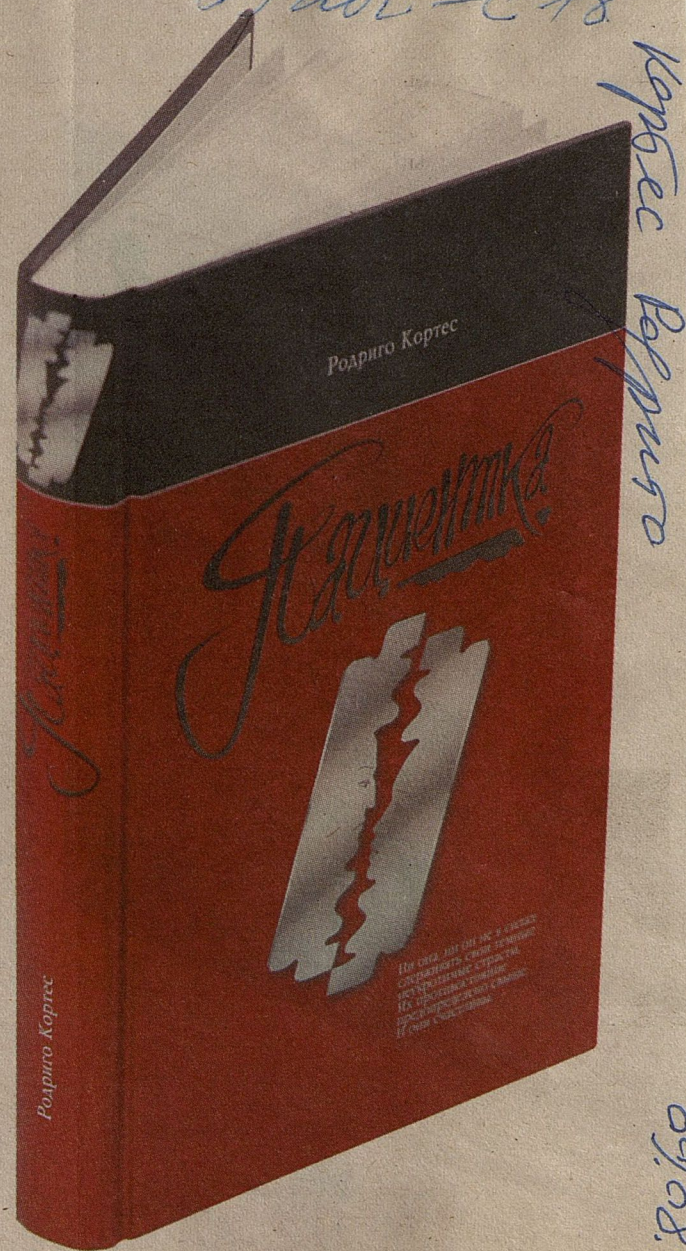
Следующим номером шел выпущенный в конце прошлого года «Кукольник», и здесь стало видно, что изощренные истории про маньяков «с понятиями» поставлены автором на поток. Главный герой, американец, по-

томок богатого землевладельческого рода — не только эстет и любитель античного театра, но и поклонник философии Сенеки. По такому случаю он, разумеется, опять-таки постепенно становится усердным потрошителем. И не просто потрошителем, а изготовителем кукол, само собой, из людей. С точки зрения убийцы, мнящего себя великим творцом, такое художество — идеальный способ демонстрации истины, нравоучение в визуальной форме, попытка смирить и организовать сограждан, в конечном счете — спасти мир.

Последний релиз в данной серии — «Пациентка». Это вообще просто праздник какой-то. Если в «Кукольнике» действие разворачивалось незадолго до войны между Севером и Югом, а в «Садовнике» — во время испанских событий 1930-х, то здесь — в достопамятный 1968-й, хотя и вдали от Европы. По просторам Техаса рыщет неприметный внешне фанатик Салли, одержимый идеей борьбы с развратом. Единственная его цель — уничтожение «шлюх» (именно этим словом религиозно озабоченный убийца называет своих жертв). Похоронив очередную женщину, неуловимый Салли оставляет на месте расправы Библию и становится известен как «библейский потрошитель». На роль роковой сюжетной пары «праведника» избрана дама, у которой свой собственный «пунктик»: устав от безрадостной жизни с мужем-полицейским, она получает удовольствие от риска — и ни от чего другого. «Пациентка» читается и как экшн (каратель и беспредельщица наперегонки мчатся к inferнальному финалу),

и как специфически американская сатира (оба героя ходят к одному и тому же психоаналитику), и как социальный триллер (в городе, где происходит действие, заправляет итальянская мафия). Но этого мало. Неизменная для Кортеса религиозная подоплека, увязанная с критикой моральных догм, далеко превосходит все, что было в предыдущих двух книгах. Салли пафосно и одновременно пародийно сопоставляется с Богом Отцом, а рискующая Нэнси — с Сыном, и на этой почве создается целый еретический апокриф о конфликте между названными сущностями.

Все это, конечно, весело и определенно лучше Брауна с Вербером, да вот только о писателе Кортесе ровным счетом ничего не известно. Многие из тех, кто не страдает излишней доверчивостью, уже давно обнаружили, что никаких упоминаний об этом авторе и его книгах (не говоря уже о фотографиях) ни на испанских, ни на каких-либо других интернет-страницах не имеется. Все три книги Кортеса выпущены одним и тем же издательством, принадлежащим, заметим, к числу лучших в России. Вариантов объяснения такой ситуации несколько: российская мистификация или зарубежный авантюрист, странным образом «поставивший» на российский рынок. С тех пор как рассекретились Борис Акунин и Макс Фрай, на мистификаторском поле наступило относительное затишье, так что пора уже было появиться какому-нибудь Кортесу. Вот он и появился, и самым фактом своего возникновения, возможно, ценен более, чем своими романами.

Родриго Кортес. Пациентка / Пер. с исп. А. Степаненко. — М.: Эксмо, 2006. — 384 с.